

Графа: Доступ ограничен

Rina Lily

Rina Lily

Графа: Доступ ограничен

«Автор»

2026

Lily R.

Графа: Доступ ограничен / R. Lily — «Автор», 2026

В городе, где реальность стирают отчётами, а память объявляют сбоем, Игорь и его команда бросают вызов безликой системе. Их оружие — не громкие обвинения, а простые, но неопровержимые свидетельства: тень от вывески, расписание автобуса, голоса людей из слепой зоны. Презентация, призванная вернуть городу его правду, становится мишенью: её прерывают, материалы изымают, Игоря задерживают. Но правда уже вырвалась за пределы зала — в чаты, в пересказы, в память тех, кто каждый день видит, как живёт его двор. Система выигрывает раунд, но не войну: ведь правда — не в отчётах, а в том, что люди отказываются молчать. Это история о том, как хрупкие свидетельства обыденной жизни становятся щитом против машины, привыкшей стирать неудобное. И о том, что даже в самой холодной камере можно улыбнуться — потому что ты не один

© Lily R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Утечка наоборот»	5
Глава 2. «Точка разлома»	7
Глава 3. «Архив без адреса»	9
Глава 4. «Цена доверия»	11
Глава 5. «Аналоговый узел»	13
Глава 6. «Слепая зона: день»	15
Глава 7. «Голос города»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Rina Lily

Графа: Доступ ограничен

Глава 1. «Утечка наоборот»

Игорь проснулся не от будильника, а от вибрации телефона, который будто пытался вырваться из-под подушки. Он потянулся, не открывая глаз, и машинально прижал аппарат к уху. Но это был не звонок — это сыпались уведомления: одно за другим, как удары по стеклу.

Он сел, провёл пальцем по экрану. Десятки сообщений в закрытом чате группы. И почти в каждом — скриншот. Его заметки. Те самые черновики, где он фиксировал сомнения, формулировал версии, оставлял себе пометки «проверить», «не сходится», «слишком гладко».

А подпись под скриншотами была одна и та же, везде одинаковая: *«Автор признаётся, что фабрикует улики»*.

Игорь почувствовал, как внутри что-то сжалось не от страха, а от ледяной ясности: это не утечка. Это подмена. Кто-то взял его сомнения и превратил их в признание.

В чате уже кипели споры. Кто-то писал: «Ну вот, сам всё и сказал». Кто-то пытался возражать: «Да это же черновики, вы не видите контекста?» Но голос сомневающихся тонул в волне уверенности тех, кто уже всё решил.

Игорь открыл файл с заметками. Он помнил, как писал каждую строчку. Фраза *«если это правда, значит, я строю теорию на песке»* была не признанием в подделке, а фиксацией неуверенности. А теперь её выдрали из контекста и сделали приговором.

Телефон снова завибрировал. На экране — имя Алёны.

— Не говори ничего, — сказала она сразу, даже не поздоровавшись. — Не оправдывайся. Если начнёшь объяснять, они сделают из этого ещё один аргумент.

Игорь сжал телефон.

— Но это же бред, Алёна. Любой, кто читал дальше, поймёт...

— Понимает тот, кто готов понять, — спокойно ответила она. — А сейчас работает не логика. Работает картинка. И картинка у них уже готова.

Он посмотрел на экран, на эти вырванные из дневника фразы, будто чужие слова, которые вдруг стали его голосом. И понял: враг не просто стирает данные. Он научился говорить от его имени.

— Что делать? — спросил он, и в этом вопросе было не столько про план, сколько про то, как не сломаться прямо сейчас.

Алёна помолчала секунду — ровно столько, чтобы он успел услышать тишину вместо шума уведомлений.

— Продолжай собирать факты. Только теперь не для того, чтобы доказать, что ты прав. А для того, чтобы никто не смог сказать, что ты лгал. Пусть у тебя будет не версия, а цепь следов, которую нельзя разорвать.

Игорь снова взглянул на чат. Там уже появилась новая ветка: *«Может, он вообще всё придумал, чтобы привлечь внимание?»*

Он медленно выдохнул, закрыл чат и открыл папку с материалами. Не ту, что в облаке, а старую, локальную, с файлами, которые хранились только на его устройстве.

— Я понял, — сказал он. — Никаких облаков. Никаких общих ссылок. Только то, что можно потрогать.

— И ещё, — добавила Алёна. — Не пытайся переубедить всех. Найди тех, кто задаёт вопросы, а не выносит приговор. С ними и работай.

Связь щёлкнула, оборвалась. Игорь остался один на один с телефоном, который теперь казался не инструментом, а ловушкой.

Он открыл блокнот, тот самый, бумажный, с потёртой обложкой, и написал на чистом листе: *«Доказательства должны быть такими, чтобы их нельзя было назвать фейком»*. И под этой фразой — ещё одну, для себя: *«Я не оправдываюсь. Я фиксирую реальность»*.

Глава 2. «Точка разлома»

Помещение пахло сыростью и старой проводкой. Полуподвал, где даже WiFi не ловился, а сигнал будто тонул в бетонных стенах. Игорь стоял у двери, прислушиваясь не к голосам, а к тишине между ними — она была напряжённой, как перед грозой.

Алёна кивнула ему из угла — спокойно, без лишних жестов. Рядом с ней Виктор раскладывал на столе толстые бумажные карты, будто собирался чертить маршрут в другую эпоху.

Остальные уже были здесь.

Журналист — молодой, резкий, с блокнотом, страницы которого были исписаны мелким почерком. Он постукивал ручкой по столу, как будто отбивал ритм для будущей статьи. Активист держал в руках карту города, на которой «тихие районы» были помечены чёрными точками — не маркером, а будто выжженными. Бывший сотрудник техподдержки сидел чуть в стороне, ссутулившись, и время от времени нервно поправлял рукав, будто прятал что-то под тканью. Игорь на секунду задержал взгляд на этом движении — и тут же заставил себя отвести глаза.

— Начинаем, — сказала Алёна, не повышая голоса, но так, что все замолчали. — Игорь расскажет, что у нас есть. Потом обсудим, что делаем дальше.

Игорь шагнул вперёд, чувствуя, как ладони чуть скользят по папкам. Он не любил выступать, но сейчас это было не про красноречие — это про факты.

— У нас есть расхождения между отчётами системы и тем, что мы фиксируем на месте, — начал он. — В секторе 14 официально «нулевая активность», но там ходят автобусы, работают магазины, люди стоят на остановках. Мы это снимали, записывали, отмечали на карте. И это не единичный случай.

— Значит, надо выкладывать, — тут же сказал журналист, щёлкнув ручкой. — Прямо сегодня. Пусть город увидит, что им врут.

Активист покачал головой:

— Сначала перепроверяем. Каждую цифру. Если мы ошибёмся хоть в одном пункте, они скажут: «Вот, они сами себе противоречат». И всё, что мы собрали, станет мусором.

Виктор поднял руку, не как на уроке, а чтобы остановить спор:

— Давайте не «сразу в сеть» и не «никогда». Давайте начнём с малого. С одного сектора. С одной чёткой связки: «вот что в отчёте», «вот что на месте», «вот как мы это проверили».

— Они будут сталкивать нас лбами, — тихо, но отчётливо произнесла Алёна, глядя не на Игоря, а на всех сразу. — Это их метод. Чем громче мы спорим между собой, тем легче им сказать: «Они сами не знают, что делают».

В комнате повисла пауза. Журналист нахмурился, будто услышал личное оскорбление. Активист сжал кулаки, но не стал спорить. Бывший сотрудник техподдержки наконец положил на стол старую распечатку логов — пожелтевшую, с загнутым углом.

— Вот, — сказал он, голос у него был тихий, но твёрдый. — Это из внутреннего мониторинга. Тут видно, как система искусственно занижает показатели по трём секторам. Не «ошибка», а алгоритм.

Все наклонились ближе. Даже журналист перестал щёлкать ручкой.

— Откуда это? — спросил Игорь.

Мужчина на секунду замер, будто решал, сколько можно сказать.

— Я работал на поддержке. Видел, как это настраивали. Не для всех, только для «особых» зон. Потом меня... попросили уйти.

Игорь посмотрел на распечатку, потом на мужчину. И снова поймал тот жест — он опять поправил рукав. На этот раз Игорь успел заметить тонкую полоску шрама, едва выступающую изпод ткани.

— Спасибо, что принёс, — сказал Игорь. — Это важно.

Бывший сотрудник техподдержки кивнул, но ничего не ответил.

— Хорошо, — снова взяла слово Алёна. — У нас есть данные. Теперь вопрос: как мы их подаём?

— Сегодня, — повторил журналист. — Пока это горячее. Пока люди готовы слушать.

— Завтра, — возразил активист. — Когда мы сможем ответить на любой вопрос: «А откуда вы это взяли?», «А как проверяли?», «А кто свидетель?».

Виктор вздохнул:

— А если мы не решим сейчас, они решат за нас. Пока мы спорим, система стирает ещё один кусок реальности.

Игорь почувствовал, как внутри поднимается усталость — тяжёлая, вязкая. Он посмотрел на Алёну. Она чуть заметно качнула головой — не «нет», а «не поддавайся на провокацию».

— Мы не будем выкладывать всё сегодня, — сказал Игорь, и в его голосе прозвучала не уверенность, а необходимость быть услышанным. — Но и не будем ждать вечно. Мы берём сектор 14. Собираем по нему полный пакет: фото, аудио, показания свидетелей, эти логи. И только после этого — публикация.

— Это слишком долго, — буркнул журналист.

— Это единственный способ, чтобы нас не назвали выдумщиками, — спокойно ответил Игорь. — Если мы хотим, чтобы люди поверили, нам нужно не «громко», а «невозможно опровергнуть».

Активист чуть расслабил плечи. Виктор одобрительно кивнул. Бывший сотрудник техподдержки снова поправил рукав, но на этот раз не прятал взгляд.

— Тогда я могу помочь с логам, — сказал он. — Покажу, где искать маркеры, по которым видно искусственное занижение. Это экономит время.

— Отлично, — сказала Алёна. — Значит, у нас есть задача. Игорь, ты отвечаешь за полевые данные. Виктор — за связку аналоговых и цифровых следов. Ты, — она посмотрела на бывшего сотрудника техподдержки, — за техническую часть. Активист — за свидетелей. Журналист...

— Буду писать, — буркнул тот, но уже без прежней резкости. — Но не статью. Пока — хронику. День за днём. Чтобы, когда мы выйдем с материалом, было видно: это не вспышка, это работа.

В комнате стало чуть тише. Не потому что все согласились, а потому что каждый понял свою роль.

Игорь открыл блокнот и записал первую задачу: «Сектор 14: полный пакет доказательств. Никаких пробелов». Он поднял глаза и увидел, что Алёна смотрит на него. В её взгляде не было ни жалости, ни восторга — только спокойная уверенность: они начали. И теперь главное — не сломаться на первом повороте.

Глава 3. «Архив без адреса»

Игорь сидел перед ноутбуком, и экран казался ему не окном в мир, а зеркалом, в котором отражается ловушка. Три вкладки, три «надёжных» хранилища — он сам когда-то хвалился, что так данные точно не пропадут. Теперь эти вкладки выглядели как три двери, за которыми кто-то тихо щёлкал замками.

Он начал с первого сервиса. Архив загружался медленно, будто сеть нарочно растягивала секунды. Наконец полоса дошла до конца. Игорь уже хотел выдохнуть, но тут выскочило уведомление: *«Файл помечен как подозрительный контент. Доступ ограничен»*. Он щёлкнул «Подробнее», но система выдала только безликий код ошибки и кнопку «Сообщить о проблеме».

— Да уж, — пробормотал Игорь, — проблема уже здесь.

Второе хранилище вообще не дало дойти до загрузки. На середине процесса соединение оборвалось, и страница застыла на белом фоне с короткой фразой: *«Не удалось завершить операцию»*. Без кодов, без объяснений. Просто «не удалось» — как если бы кто-то мягко, но твёрдо положил ладонь на его руку и сказал: «Не надо».

Третье хранилище сработало. Полоса загрузки дошла до ста процентов. Появилась надпись: «Файл успешно загружен». Игорь потянулся к кнопке «Посмотреть детали», ожидая увидеть дату, размер, контрольную сумму. Но карточка файла была пустой. Ни даты, ни размера. Только название и серая иконка, будто файл существовал, но не имел веса.

Игорь провёл пальцем по тачпаду, обновляя страницу. Ничего не менялось. Файл был там, но будто не понастоящему. Как тень без тела.

Он откинулся на спинку стула, и старая мебель скрипнула, словно тоже была недовольна тем, что происходит. В углу комнаты лежала стопка распечаток: карты с пометками, скриншоты с выделенными фрагментами, расшифровки аудиозаписей. Бумага шуршала, когда он её трогал, — и этот звук вдруг показался ему громче, чем любой цифровой сигнал.

«Бумага теперь надёжнее облака», — пронеслось у него в голове. И от этой мысли стало не спокойно, а горько. Это был не возврат к прошлому, а признание поражения: цифровой мир больше не был его территорией.

Телефон тихо звякнул. Сообщение от Алёны: *«Ну как?»*

Игорь посмотрел на три вкладки, на пустой экран с невидимым файлом, на стопку бумаги. И написал: *«Никак. Всё под контролем. Даже то, что я считал нейтральным»*.

Через пару секунд пришёл ответ: *«Значит, делаем офлайн. Виктор готовит схему: несколько физических копий, разные места, разные носители. Не один сейф, а сеть»*.

Он улыбнулся уголком губ — не от радости, а от того, что не нужно было объяснять, насколько это важно. Алёна и Виктор уже думали на шаг вперёд.

Игорь закрыл ноутбук. Металлический корпус щёлкнул, отсекая экран от комнаты. Он взял блокнот — тот самый, бумажный, с потёртой обложкой — и вывел на чистом листе: *«Офлайнрезерв. Три копии. Разные места. Разные носители. Никакой единой точки отказа»*.

Под этой фразой он добавил ещё одну, уже для себя: *«Если они хотят стереть всё, пусть стирают. У нас будет то, что нельзя стереть нажатием кнопки»*.

Он встал, подошёл к полке и достал несколько пустых внешних дисков. Рядом лежали конверты, плотные, из крафтовой бумаги. Он вспомнил, как в детстве бабушка запечатывала письма сургучом, и улыбнулся этой старой привычке: хранить тайну в вещественном.

Потом он взял стопку распечаток и начал раскладывать их по конвертам. Один — для тайника в подвале заброшенного дома, о котором знал только он. Второй — для ячейки на вокзале, ключ от которой он собирался передать Алёне. Третий — для Виктора: тот обещал

спрятать свою копию в месте, где «никто не будет искать архив — только запчасти и старые журналы».

Когда конверты были запечатаны, Игорь сел обратно за стол. Ноутбук по-прежнему был закрыт. Ему вдруг стало легче — не потому что проблема исчезла, а потому что появилось действие. Не ожидание, не надежда на «а вдруг сработает», а чёткий маршрут: спрятать, разделить, защитить.

В дверь тихо постучали. Это была Алёна. Она вошла, кивнула на конверты и диски, но ничего не сказала. Просто встала рядом, будто подтверждая: да, это правильно.

— Знаешь, — тихо сказал Игорь, — раньше я думал, что сила в доступе к данным. А теперь понимаю: сила в том, чтобы их нельзя было забрать.

Алёна чуть улыбнулась:— Значит, мы идём правильным путём. Пусть они стирают облака. Мы будем хранить землю.

Глава 4. «Цена доверия»

Игорь не собирался смотреть трансляцию. Он вообще старался держаться подальше от экранов, где теперь каждое слово могло стать уликой против него. Но телефон сам вывел уведомление: *«Прямой эфир: активист Марк отвечает на вопросы о слепых зонах»*. Игорь задержал палец над кнопкой «Закрыть», а потом всё-таки нажал «Смотреть».

В кадре был Марк — тот самый активист, который на встрече в полуподвале настаивал на проверке каждой цифры, который первым начал собирать подписи жителей, который говорил: «Если мы ошибёмся хоть в одном пункте, они нас растопчут». Теперь он сидел в светлой студии, в аккуратной рубашке, и отвечал на вопросы ведущего так, будто читал по шпаргалке.

— Вы по-прежнему поддерживаете группу Игоря? — спросил ведущий, чуть наклоняясь вперёд, как будто хотел поймать в этом вопросе что-то особенное.

Марк на секунду замер. Не долго — всего на долю секунды, но Игорь заметил. И этого хватило, чтобы внутри всё сжалось.

— Я уважаю стремление Игоря разобраться в ситуации, — наконец произнёс Марк. Голос звучал ровно, почти тепло. — Но я не могу ассоциировать себя с его методами. Для меня важно, чтобы любая информация была проверена и подтверждена несколькими независимыми источниками. Сейчас я не готов ставить свою репутацию на материалы, которые вызывают вопросы.

Фраза была вежливой. Идеально вежливой. В ней не было ни оскорбления, ни грубости. Но от этого она была только сильнее. Это было не «ты неправ», а «я не хочу, чтобы меня связывали с тобой».

Чат под трансляцией вспыхнул. Кто-то писал: «Ну вот, даже свои не верят». Кто-то: «Значит, там и правда всё мутно». А кто-то просто ставил эмодзи, будто это был не разговор о правде, а реалитишоу, где сегодня один участник «выбывает».

Игорь отложил телефон, как будто тот стал слишком тяжёлым. Он встал, прошёл по комнате, остановился у окна, но не увидел ничего — только своё отражение: усталое, чужое.

Он вспомнил, как раньше всё казалось простым. Найти правду. Показать её. И люди сами всё поймут. Он думал, что достаточно собрать факты, чтобы мир изменился. А теперь он понимал: правда ничего не стоит, если ей никто не верит. Даже если факты настоящие, их можно утопить в сомнениях, в вопросах, в вежливых оговорках.

«Может, я и правда делаю только хуже?» — эта мысль пришла не как крик, а как тихий, спокойный голос, который страшнее любого крика. Может, его упорство не спасает людей, а подставляет их? Может, каждый его шаг заставляет кого-то оправдываться, прятаться, отказываться от собственной позиции?

Он вернулся к столу, открыл папку с материалами. Распечатки, фото, аудиозаписи, бумажные карты с пометками. Всё это выглядело теперь не как доказательство, а как улика против него самого.

Алёна позвонила, но он не ответил. Не потому что не хотел, а потому что боялся, что её голос — спокойный, уверенный — только напугает его о том, сколько он уже подвёл.

Вместо этого он взял чистый лист и вывел на нём крупными буквами: *«Доказательства должны быть такими, чтобы их нельзя было назвать фейком»*.

А под этой фразой, уже мелким почерком, добавил: *«Не ради того, чтобы переубедить Марка. Не ради эфира. А ради тех, кто не смотрит трансляции, но живёт в этих секторах. Ради тех, кому важно, что правда существует, даже если о ней никто не говорит»*.

Он отложил ручку и снова посмотрел на стопку бумаг. Теперь это была не просто подборка фактов. Это был щит. Тяжёлый, неудобный, но единственный, который у него оставался.

В дверь тихо постучали. Это была Алёна. Она не стала спрашивать, смотрел ли он эфир. Не стала говорить «не переживай». Она просто положила на стол флешку, аккуратно завернутую в плотную бумагу, и сказала:

— Виктор подготовил офлайнкопию. Три слоя контрольных сумм, метки времени, всё подписано. Если кто-то захочет проверить — пусть проверяет. Если захочет стереть — пусть попробует.

Игорь кивнул. Ему не хотелось говорить, потому что слова сейчас казались пустыми. Но он взял флешку и положил её в отдельный конверт, на котором вывел только одно слово: *«Оригинал»*.

— Знаешь, — тихо сказал он, — раньше я думал, что главное — найти то, что скрыто. А теперь понимаю: главное — сделать так, чтобы это нельзя было спрятать снова.

Алёна чуть улыбнулась:

— Тогда мы на правильном пути. Пусть они забирают эфиры и репутацию. Мы будем собирать то, что нельзя отменить.

Глава 5. «Аналоговый узел»

Комната, которую они теперь называли «узлом», была маленькой, сырой и до странности спокойной. Здесь не мигали экраны, не сыпались уведомления, не висели на стене мониторы с тревожными графиками. Только стол, несколько стульев, стопка бумаги, коробки, принесённые Виктором, и запах пыли, который Игорь уже начал воспринимать как запах безопасности.

Виктор двигался быстро, но без суеты — так, будто раскладывал не вещи, а аргументы. Он выставил на стол блокноты с плотными страницами, пачки фотоплёнки, рулетки, маркеры, даже старые GPSTрекеры без связи, с крошечными экранами, которые показывали только координаты и заряд. Рядом легли бумажные карты города — не глянцевого туристического, а рабочее, с пометками, которые кто-то делал от руки ещё до того, как всё переехало в облако.

Игорь смотрел на это хозяйство и не мог сдержать усмешку — она получилась горькой, но всё же усмешкой:

— Мы будто готовимся к апокалипсису.

Виктор не поднял глаз. Он аккуратно раскладывал катушки плёнки по коробкам, будто это были не расходники, а хрупкие артефакты.

— А может, он уже наступил, — спокойно ответил Виктор. — Просто мы называем это «рабочим процессом».

Игорь помолчал, потом подошёл ближе, провёл пальцем по обложке одного из блокнотов. Бумага была шершавой, настоящей.

— И что, ты предлагаешь всё вести на бумаге?

— Не всё, — сказал Виктор. — Но самое важное — да. Система стирает цифровые следы быстро, почти мгновенно. А бумагу нужно найти, изъять, уничтожить. Это время. И шум. И риск. Для них это не «удалить файл», это «провести операцию». А любая операция оставляет следы.

Он взял один из блокнотов, открыл на первой странице и вывел крупно: *«Аналоговый протокол. Сектор 14»*. Потом посмотрел на Игоря:

— Правило простое: каждое наблюдение фиксируется минимум двумя способами. Лучше — тремя. Фото плюс запись в блокноте плюс отметка на бумажной карте. Если есть возможность — добавляем ещё и аудио.

— А GPS? — Игорь кивнул на старые трекеры.

— Они не передают данные никуда. Просто пишут лог на внутреннюю память. Никакой связи, никакой телеметрии. Только координаты, время и заряд. Их нельзя взломать удалённо. Их можно только физически забрать. А значит, пока они у нас, данные живы.

Игорь взял в руки один из трекеров. Устройство было тяжёлым, старомодным, с поцарапанным корпусом. На экране мигала точка — он сам, здесь и сейчас.

— Значит, мы делаем ставку на то, что сложнее уничтожить? — спросил он.

— Именно, — кивнул Виктор. — На то, что нельзя стереть нажатием кнопки.

Они начали с самого простого: с остановки в секторе 14. Игорь и Виктор вышли на улицу, будто двое обычных людей, которым просто нужно проверить расписание автобусов. Только у Игоря в кармане лежал блокнот, а у Виктора — фотоплёнка и трекер.

На остановке было шумно. Люди стояли под козырьком, смотрели в телефоны, переменились с ноги на ногу. Игорь достал блокнот и начал записывать: время, количество людей, номера автобусов, которые подъезжали, даже то, что говорили друг другу пассажиры. Он старался писать не выводы, а факты: *«17:18, автобус 23, в салоне видно не менее 15 человек», «17:22, киоск работает, очередь из 4 человек»*.

Виктор тем временем щёлкал затвором старой камеры. Плёнка не прощала ошибок: каждый кадр был намеренным. Потом он достал рулетку и измерил расстояние от края остановки

до ближайшего столба — не потому что это было важно само по себе, а потому что эта цифра могла стать якорем. Если кто-то позже скажет, что остановки не было, у них будет: фото, запись, координаты, измерение.

Когда они вернулись в «узел», Алёна уже ждала их. Она разложила на столе бумажную карту и теперь отмечала на ней точки.

— Вот здесь, — она поставила крестик, — мы зафиксировали людей. Вот здесь — работающий киоск. Вот здесь — автобус.

Игорь положил перед ней блокнот:

— Всё записано. Плюс фото. Плюс координаты с трекера.

Алёна посмотрела на эту коллекцию следов — бумагу, плёнку, цифры — и улыбнулась не радостно, а с облегчением:

— Теперь это не «версия». Это цепь. И чтобы её разорвать, им придётся стереть не один файл, а десятки вещей. А это уже не статистика. Это преступление.

К вечеру к ним присоединился звукорежиссёр — тот самый, который позже станет важной частью команды. Он принёс с собой диктофон с магнитной лентой и сразу, без лишних слов, начал объяснять:

— Звук сложнее подделать. Фоновые шумы уникальны. Если мы запишем эту остановку сегодня, а потом кто-то скажет, что там никого не было, мы сможем доказать обратное по акустике: по шагам, по объявлениям, по звуку мотора.

Он включил тестовую запись. На ней был шум улицы, чей-то смех, объявление о прибытии автобуса, скрип тормозов. Игорь слушал и вдруг понял: это тоже доказательство. Не картинка, не цифры, а сама реальность, пойманная в звуке.

Они собрали всё вместе: фото, записи, координаты, измерения, аудио. И выстроили это в единую структуру — в тот самый «аналоговый протокол», где каждый факт держался не на вере, а на перекрёстных подтверждениях.

Уже поздно вечером, когда остальные разошлись, Игорь остался в «узле» один. Он смотрел на стопку блокнотов, на коробки с плёнкой, на карту с пометками. И впервые за долгое время почувствовал не тяжесть от того, сколько ещё предстоит сделать, а уверенность: у них есть способ сохранить правду.

Он открыл чистый блокнот и написал на первой странице: *«Аналоговый протокол. Правило: ни одно наблюдение не существует в единственном экземпляре. Если можно подтвердить тремя способами — подтверждай тремя. Если четырьмя — четырьмя».*

Под этой фразой он вывел ещё одну, для себя: *«Мы не пытаемся победить систему в её игре. Мы играем в другую игру. И в этой игре у нас есть преимущество».*

Глава 6. «Слепая зона: день»

Официально сектор 14 был «на техобслуживании». В отчётах системы значилось: «нулевая активность», «ограниченный доступ», «приостановка транспортного сообщения». На бумаге это звучало как аккуратная, почти заботливая формулировка — будто город просто ненадолго прикрыл глаза, чтобы что-то подкрутить внутри.

Но на улице глаза закрывать не получалось. Здесь всё жило.

Игорь и Алёна шли по сектору, стараясь выглядеть как двое обычных прохожих, которым просто нужно куда-то попасть. Игорь сжимал в кармане блокнот, пальцы будто сами тянулись его достать, но он сдерживался: не хотел привлекать внимание резким движением. Алёна шла чуть впереди, будто просто показывала дорогу, но на самом деле выбирала точки обзора — места, откуда можно было одновременно видеть остановку, киоск и перекрёсток.

На остановке было человек двенадцать. Не толпа, но и не пустота. Кто-то смотрел в телефон, кто-то нервно поглядывал на табло, кто-то тихо ругался, что автобус задерживается. Игорь достал блокнот и сделал первую запись, стараясь не смотреть на страницу слишком пристально: *«10:47, остановка «Проспект Мира», не менее 12 человек, ожидание транспорта»*.

Подожёл автобус — 23. Двери распахнулись, люди вошли и вышли. Игорь записал номер и время прибытия. Алёна тем временем достала старую камеру на плёнке и сделала кадр: не ради красоты, а ради фиксации. На фото не должно было быть драмы — только обыденность. Именно она была главным оружием.

Они прошли дальше, к ряду небольших магазинов. Один из них — продуктовый — был открыт. Очередь из трёх человек. Игорь подошёл ближе, будто хотел заглянуть внутрь, и записал: *«10:58, магазин «У дома», работает, очередь 3 человека»*. Алёна отметила точку на бумажной карте, которую держала в руках так, будто это была обычная туристическая схема.

Мимо проехал ещё один автобус — 17. Игорь записал и его. Потом они остановились у перекрёстка, где громкоговоритель объявлял расписание и напоминал о ремонтных работах «в соседних кварталах». Алёна тихо сказала:

— Слышишь? Они говорят про соседние кварталы. Про этот — ни слова. Как будто его нет.

Игорь кивнул. Он уже чувствовал это странное, почти физическое несоответствие: шум города, запах выпечки из пекарни, скрип тормозов, голоса — всё это было плотным, настоящим. А в отчётах — пустота.

— Давай проверим киоск, — предложила Алёна. — Если он работает, это ещё одно подтверждение.

Киоск действительно работал. Продавец в синей куртке спокойно принимал оплату, выдавал сдачу, упаковывал булочки в бумажные пакеты. Игорь записал: *«11:12, киоск «Свежее», работает, обслуживание клиентов»*. Алёна сделала ещё один кадр.

Когда они отошли, Игорь остановился и посмотрел на свои записи. Три точки: остановка, магазин, киоск. Три подтверждения того, что сектор жив.

— Это выглядит так... обычно, — сказал он, будто сам себе не верил. — Как будто мы просто фиксируем обычный день.

Алёна улыбнулась, но в её улыбке не было веселья — только спокойная уверенность:

— Вот она, реальность. Не в отчётах, а здесь. И именно потому, что это обыденно, это невозможно списать на ошибку или случайность. Это не аномалия. Это норма. А аномалия — это то, что написано в отчётах.

Игорь снова посмотрел на блокнот. Строчки были простыми, сухими, без пафоса. Но каждая из них теперь казалась ему кирпичиком в стене, которую нельзя разрушить одним нажатием кнопки.

— Мы можем это доказать, — тихо сказал он. — Не одной фотографией, не одним свидетелем. А вот этим: цифрами, кадрами, отметками на карте.

Алёна кивнула:

— Да. И чем больше таких кирпичиков, тем тяжелее их игнорировать.

Они продолжили маршрут. Зашли в небольшой дворик, который в системе тоже значился как «закрытый на обслуживание». Там играли дети, на скамейке сидела женщина с книгой, из открытого окна пахло супом. Алёна тихо щёлкнула затвором. Игорь записал: *«11:35, дворик за домом 12, активность: 3 ребёнка, 1 взрослый, бытовые звуки»*.

На углу они встретили старика, который стоял у столба и что-то ворчал про «эти вечные ремонты». Игорь вежливо спросил:

— Простите, а транспорт тут ходит?

Старик фыркнул:

— Ходит, конечно. Каждый день. А они пишут, что закрыто. То ли считать не умеют, то ли врать привыкли.

Игорь не стал спорить. Он просто записал: *«Свидетель: мужчина 65–70 лет, подтверждает регулярное движение транспорта»*. И добавил время и место.

Когда они закончили маршрут, Игорь почувствовал странную лёгкость. Не от того, что всё стало просто, а от того, что у них наконец появилось что-то, что нельзя было назвать «сомнительным». Это были не теории, не догадки, не эмоции. Это были факты, собранные по крупицам.

В «узле» Виктор уже ждал их. Он разложил на столе чистые конверты, катушки плёнки и стопки бумаги. Когда Игорь и Алёна положили перед ним свои записи, фото и карту с пометками, Виктор молча кивнул — и этого кивка хватило, чтобы почувствовать: они на правильном пути.

— Всё по протоколу? — спросил он.

— По протоколу, — ответила Алёна. — Фото, запись, отметка на карте. Плюс один свидетель.

Виктор аккуратно разложил материалы по папкам, подписал каждую: *«Сектор 14. День. Подтверждения: фото, блокнот, карта, аудио, свидетель»*. Потом посмотрел на Игоря:

— Теперь у нас не просто версия. У нас есть цепь следов. И чтобы их стереть, им придётся стереть не данные, а сам город.

Игорь сел на стул, который скрипнул под его весом. Он открыл новый блокнот и написал на первой странице: *«Реальность нельзя отменить. Её можно только зафиксировать»*. Под этой фразой он вывел ещё одну, для себя: *«Мы не ищем сенсаций. Мы собираем правду по деталям. И эти детали — самые крепкие»*.

Глава 7. «Голос города»

В «узле» пахло пылью и старой бумагой, но теперь к этому запаху прибавился ещё один — холодный, чуть металлический запах аппаратуры. Звукорежиссёр, которого все пока называли просто по имени — Глеб, — разложил на столе свои сокровища: магнитофон с магнитной лентой, пару микрофонов на тяжёлых стойках, наушники с массивными амбушюрами, которые выглядели так, будто их сняли с какого-то старого диспетчерского пункта.

— Это не для музыки, — сказал он, когда Игорь с сомнением покосился на громоздкие катушки. — Это для реальности. Музыка — это про то, как должно звучать. А я записываю то, как звучит на самом деле. Даже если это просто скрип тормозов.

Виктор одобрительно кивнул:

— Нам нужна фактура. Не картинка, а ткань города.

Алёна стояла у карты, отмечая точки, где они уже собрали данные. Она посмотрела на Глеба спокойно, без лишних эмоций:

— Покажи, что ты можешь.

Глеб не стал ничего объяснять словами. Он просто включил воспроизведение.

Игорь сел на стул, наклонился вперёд и замер.

Сначала он услышал то, что ожидал: шум улицы, гул, обрывки разговоров. Но потом начал различать детали. Объявление из громкоговорителя: *«Автобус 23 прибывает через три минуты»*. Смех где-то слева, короткий, нервный. Скрип тележки. Шаги по асфальту — не один человек, а несколько, в разном ритме. Потом снова объявление, чуть тише, будто ветер сдул часть слов. И поверх всего этого — низкий, ровный гул города, который не исчезал ни на секунду.

— Вот это, — Глеб ткнул пальцем в ленту, — записано ровно в 10:47 у остановки «Прспект Мира». То самое время, когда ты делал первую запись в блокноте.

Игорь почувствовал, как по спине пробежал холодок — но не от страха, а от внезапной ясности.

— То есть... это можно сопоставить?

— Можно, — кивнул Глеб. — По времени, по звуковым маркерам. Вот это объявление повторяется каждые семь минут. Если мы запишем его ещё в двух точках, мы сможем восстановить маршрут автобуса, даже если в системе его «нет». А ещё — фоновые шумы. Они уникальны. Как отпечатки пальцев. В каждом месте свой акустический рисунок: как звук отражается от стен, как гасится, как смешивается с другими шумами. Подделать это почти невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.